

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Каменя из Ватикана

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

Татьяна УСТИНОВА
Каменя из Ватикана

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Камея из Ватикана / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2020 — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших)

ISBN 978-5-04-117508-5

Когда в одночасье вся жизнь переменялась: закрылись университеты, не идут спектакли, дети теперь учатся на удаленке и из Москвы разъезжаются те, кому есть куда ехать, Тонечка – деловая, бодрая и жизнерадостная сценаристка, и ее приемный сын Родион – страшный разгильдяй и недотепа, но еще и художник, оказываются вдвоем в милом городе Дождеве. Однажды утром этот новый, еще не до конца обжитый, странный мир переворачивается – погибает соседка, пожилая особа, которую все за глаза звали «старой княгиней». И еще из Москвы приезжает Саша Шумакова – теперь новая подруга Тонечки. От чего умерла «старая княгиня»? От сердечного приступа? Не похоже, слишком много деталей указывает на то, что она умирать вовсе не собиралась... И почему на подруг и священника какие-то негодяи нападают прямо в храме?! Местная полиция, впрочем, Тонечкины подозрения только высмеивает. Может, и правда она, знаменитая киносценаристка, зря все напридумывала? Тонечка и Саша разгадают загадки, а Саша еще и ответит себе на сокровенный вопрос... и обретет любовь! Ведь жизнь продолжается.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117508-5

© Устинова Т. В., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Татьяна Устинова Камея из Ватикана

Проклятая маска норовила сползти с носа, приходилось то и дело ее поправлять. Нелепые завязки путались в волосах – медицинских масок на резинках нынче не достать. Пришлось купить самопальные – сложенную в несколько слоев марлю с притороченными веревочками.

Возле дома старой княгини маска совсем развязалась. Тонечка плюхнула на траву пакеты, размяла затекшие пальцы в синих резиновых перчатках и стала копаться в волосах, пытаясь выудить из кудрей хлипкие завязки.

– Зараза!..

– Теть Тонь, вы чего?

– Ничего, – пропыхла Тонечка. – Маска свалилась, чтоб ее!..

Парень на велосипеде смотрел на нее малость свысока – ему понаехавшие москвичи в масках, перчатках и очках казались идиотами. У него самого маска была завязана на щетинистой шее – на тот случай, если менты или какие-нибудь рьяные дружинники прицепятся. А спортивные перчатки с полупальцами всегда при нем, сойдет!

И требования все выполнены! Маска – вот она, перчатки на месте.

– Может, подмогнуть, тетя Тонь?

– Да я пришла почти.

Она бы и согласилась, чтоб «подмогнул», но ее донельзя раздражало обращение «тетя Тоня» из уст великовозрастного парня, у которого в плечах кося сажень и борода как у дьякона!.. Он работал водителем при больнице и подрабатывал извозом. Пару раз Тонечка ездила

с ним в Тверь купить то, чего было не достать в Дождеве, – свежую клинскую колбасу, креветки, всякие излишества.

Тонечка зацепила маску за ухо и махнула парню:

– Езжай, Коль, спасибо!

Парень, нажав на педали, рванул с места, покатыл и поднял велик на дыбы – как пить дать фасонил перед «тетей Тоней»!

Тонечка вздохнула.

Жизнь изменилась в одночасье, и привыкнуть к этой новой было сложно.

Принимаясь за пакеты, она кинула взгляд на дом старой княгини и замерла.

Старуха стояла возле окна – шторы она никогда не задергивала – и неотрывно смотрела на Тонечку.

– Добрый вечер, – пробормотала столичная сценаристка испуганно. Разумеется, неподвижная старуха за окном не могла ее слышать, и Тонечка решила на всякий случай поклониться.

Она произвела некое неловкое движение туловищем и даже попыталась шаркнуть ногой.

Старуха не шелохнулась.

Тонечка собрала ручки многочисленных пакетов и потащилась дальше.

Следующий за старухиным участок пустовал, как видно, хозяева не смогли вырваться из зачумленной Москвы, а уж там и Тонечкин дом.

Она попой толкнула калитку, взволокла поклажу на высокое крыльцо, выхватила из кармана брызгалку, щедро обработала перчатки и ручки пакетов и наконец-то стянула маску.

...Вот как к ней привыкнуть, к этой новой реальности?!

Она почти разгрузила пакеты, когда со второго этажа скатился Родион, за ним припрыгало собакообразное насекомое с раскидистыми ушами и улыбкой на черной с подпалинами морде.

– Я же тебе сказал, что сам в магаз схожу! – с ходу начал атаку мальчишка. – Раз сказал, значит, сделал бы!..

– Чем ужинать будем?

– Мне папа велел, чтоб я за тобой смотрел! А как за тобой смотреть, если ты не слушаешься?!

– Ночь скоро, – миролюбиво заметила Тонечка. – А есть хочется уже сейчас. Смотри, на выбор макароны с сыром, гречка с котлетами, у меня фарш остался. Могу картошки с грибами нажарить, я замороженных опять купила.

– А что быстрее?

Тонечка усмехнулась. По всему видно, есть хотелось не ей одной.

– Все быстро! Я ловкая, ты же знаешь.

Родион посмотрел на мачеху.

Она правда была ловкой и... веселой. После детского дома, в котором он прожил, считай, десять лет, ему очень нравилось, что с родителями, с отцом и мачехой, всегда весело. Не то чтоб они то и дело представляли сценки или рассказывали анекдоты, но как-то так себя вели, что с ними было интересно и не страшно, что вот-вот поругаются и все кончится!..

Родион выбрал котлеты с макаронами, а Тонечка возразила, что раз котлеты, значит, с гречкой, и принялась за дело.

– А вкусного купила?

Вкусным считались ванильные сухари, обсыпанные сахаром, маковые сушки, мармелад – чем резиновей, тем лучше, – овсяное печенье, соломка и всякое такое.

Тонечка заверила, что купила, но до ужина ничего не даст, чтоб не перебил аппетит.

– Тоня, я же не маленький! – возмутился Родион. – Мне семнадцать будет!

– Даже когда тебе стукнет пятьдесят восемь, ты должен помнить, что набивать живот сладким вредно.

Она сама сейчас с удовольствием вместо гречки съела бы пирожное «Картошка» – две штуки – и запила тремя стаканами чаю, но никак нельзя. Во-первых, дурной пример для Родиона. Во-вторых, в магазин «Рублевочка» пирожных «Картошка» не завозят.

...Надо же было так назвать продуктовую лавку в центре города Дождев Тверской губернии! Прямо какой-то литератор называл, стилист!.. Тут тебе и намек на шикарную жизнь – Рублевка, не что-нибудь! – и на дешевизну – рублик, всего ничего! И звучит ласково.

Родион подхватил с пола собакообразное существо, которое выписывало вокруг них кренделя и вензеля, поцеловал в морду, немного смутился и пристроил свою художочную задницу на столешницу, почти что в миску с фаршем.

– Куда ты сел, слезай сейчас же!..

– А старую княгиню зовут Лидия Ивановна, – сообщил Родион. – Она раньше в Москве жила, а теперь здесь, в Дождеве.

– Откуда ты знаешь?

– Сама сказала! Она сегодня опять на ручей ходила.

По невесть когда установленному неписаному закону жители всех трех домов вдоль ручья выходили к воде через Тонечкин участок. На берег вела узорная чугунная калиточка, обычно закрытая на проволочный крючок. В заборах в самом дальнем конце участков тоже были калитки, вообще ни на что не закрытые, а всегда настежь распахнутые. Старая княгиня являлась дважды в день, Тонечка видела ее из окна. Она проходила вдалеке, не глядя по сторонам, некоторое время возилась с крючком, выходила к ручью и усаживалась на скамейку под берегами. Сидеть там она могла сколько угодно, иногда час, а когда потеплело, то и дольше!

Родион то и дело бегал рисовать ручей, березы, траву, калитку, скамейку – он вообще или ел, или спал, или рисовал, засадить его за уроки не было никакой возможности, особенно сейчас, когда всех разогнали на удаленку.

– Она спросила, что я рисую, и я ей показал, она сказала – хорошо, – продолжал Родион. – И про Буську спросила, что за порода. Я сказал, что пражский крысарик, а она сказала, что Прага вообще загадочный город.

– Загадочный? – переспросила Тонечка машинально.

Она пыталась порезать огурец, но дело не двигалось – только она отрезала кружок, как Родион выхватывал его и съедал, смачно хрупая. Она бросила резать и сунула оставшиеся пол-огурца мальчишке. Родион помычал благодарственно.

– Тонь, а папа приедет?

– Кто его знает.

– И ты не знаешь?!

– У него же люди работают. То есть сейчас как раз не работают, вся работа остановлена. Ему нужно придумать, чем платить, где денег добыть. Пока не придумает, не приедет.

– А он придумает? – с тревогой спросил Родион.

Ему требовалось, чтоб Тонечка его успокоила. Как жить, если ни она, ни даже отец не знают, что дальше?..

– Придумает, – сказала Тонечка, все поняв. – Он очень умный. Садись, котлета готова. Ты собаку кормил?

Родион возмутился:

– Ты же знаешь, собаку я кормлю всегда в шесть часов!

...Это правда. Безалаберный мальчишка вполне мог проспать школу, завтрак, репетитора, онлайн-урок, но накормить свою собаку никогда не забывал.

– Еще она спросила, чей я, а я сказал, что Германов, – продолжал Родион, сгорбившись над котлетой. Он хватал куски, обжигался, выплевывал и дул на них.

– Веди себя прилично, – велела Тонечка. – Какой-то странный вопрос, чей! Ты же не собака!

– Ну-у, она так спросила: мальчик, ты чей? Я и сказал. Еще я хотел ей показать, как я ее нарисовал, но у меня альбомы в доме, завтра покажу.

– Ты ее тоже рисовал?

Родион покивал:

– Она такая красивая! И одета странно.

Тонечка все никак не могла привыкнуть, что ему нравится не то, что другим! Ему нравились покосившиеся заборы, букашки, лужа, припорошенная цветочной пылью, воробей, склевавший дождевого червяка, провалившиеся мостки у ручья. Вот старуха понравилась тоже...

Тонечка постоянно чувствовала тревогу. Ей казалось, что она должна... защищать и оберегать мальчишку. От всего. Человек, которому нравятся воробьи, собаки и старухи, сам себя защитить и уберечь не сможет...

Она подложила ему еще котлету, и он заглянул в сковородку, осталось или нет.

Оставалось три штуки, вот красота!

– А что к чаю?

– Вареная свекла с медом.

– Что, правда? – У Родиона вытянулось лицо.

Тонечка вздохнула.

– Лимонные дольки, халва, сушки и две разные шоколадки.

– С орехами?

– Одна с орехами.

Это было совсем другое дело, и Родион великодушно предложил поставить самовар.

Иногда они так развлекались по вечерам – пили чай из самовара. С ним приходилось довольно долго возиться, иногда он напрочь не желал растапливаться, капризничал, но к сегодняшнему пиру самовар был просто необходим, и Тонечка согласилась.

Она помыла посуду, прислушиваясь к тому, как мальчишка тюкает перед крыльцом топориком, пытаясь наколоть щепок, взглянула в окно, отвела глаза и посмотрела еще раз.

На соседний участок, который пустовал с самого начала карантина, вползал черный «Мерседес», ворота были распахнуты. Выходит, хозяева все же приехали.

Должно быть, хорошо, что приехали. С тех пор как всех разогнали по квартирам и дачам – на самоизоляцию! – Тонечка почти не видела людей, и к этому привыкнуть было даже труднее, чем к перчаткам и маске. С другой стороны, непонятно, вдруг они привезли из Москвы эту самую заразу, а общительный Родион то и дело забывал и про маску, и про перчатки. Здесь, среди тверских лесов и болот, никакой «особый режим» не объявляли, но Тонечка все равно беспокоилась – мало ли...

Она накинула на плечи облезлую жилетку из странного меха, именуемую в семье «позорный волк», и вышла на крыльцо. Родион прилаживал к самовару трубу, отворачивался от дыма, закрывался локтем, собака бегала вокруг, то и дело от восторга припадая на передние лапы.

...Как хорошо, подумала Тонечка, что она догадалась взять Родиону собаку!.. Они как-то сразу оказались вдвоем, вместе, парой! Вместе привыкали к московскому быту, вместе прилаживались к семье, вместе осознавали, что теперь есть и отец, и мать-мачеха, и брат, и сестра, и дед-генерал, и бабушка Марина!..

После детского дома в Угличе такие перемены давались нелегко, но вместе, вдвоем всегда проще и лучше!

Над дальним концом участка, над ручьем, висела низкая снеговая туча – даром что май на пороге! Нынче все смешалось, не стало ни зимы, ни весны, сплошное безвременье. Солнце из-за края тучи подсвечивало едва зазеленевшие березы, и свет был тревожный, беспокойный.

Родион наконец приладил трубу, из нее сразу повалил густой белый дым и хорошо запахло разогретой смолой.

Мальчишка игогокнул, понесся по лужайке, крошечная собака, как на стрекозиных крыльях, полетела за ним.

– Смотри, какое солнце! – прокричал Родион издалека. – Дай мне альбом, я нарисую быстро.

– Не дам, – отозвалась Тонечка с крыльца. – Ты проспишь самовар, и мы чаю не попьем!

...Хорошо, что участок есть! В московской квартире на этом самом карантине все бы с ума сошли.

Впрочем, большая часть детей осталась как раз в квартире – Настя и Даня уехать не смогли. Старый дом никакими новинками современной техники оборудован не был, интернет еле шевелился. Тонечке, чтобы Родион хоть как-то учился на удаленке, приходилось мудрить, раздавать сигнал с телефона, метаться по комнатам, выискивая угол, где стабильный прием. Настя училась в театральном и с первого же дня карантина просиживала за компьютером днями и ночами – особенно занятно было наблюдать уроки по сценическому движению, когда Настя перед компьютером выделяла немыслимые па, а педагог из монитора оценивал, насколько удачно у нее получается. Даня бесконечно бубнил на суахили, писал и сдавал контрольные и курсовые – он в университете осваивал «басурманский язык», как формулировал его отец и по совместительству муж Тонечкиной матери Марины Тимофеевны.

Тонечка улыбнулась.

...Вообще в семейном древе Германов – Морозовых – Липницких легко заблудиться и пропасть!

Кто бы мог подумать еще два года назад!

Жили-были три девицы – бабушка Марина, дочка Тонечка и внучка Настя. Жили-пожили, добра никакого особенно не наживали, им это и в голову не приходило. В одночасье все изменилось. На их терем-теремок в Немчиновке надвинулись странные и невероятные события, и, главное, откуда-то появилась целая куча разных мужчин!.. Бабушка Марина вышла замуж за генерала Липницкого, который прибыл в ее жизнь вместе с сыном Даней. На Тонечке женился знаменитый продюсер Александр Герман, а потом нашелся его сын Родион, и в кроне семейного древа все ветви окончательно и бесповоротно запутались!..¹

Даня как-то сразу стал братом Насте, хотя его сестрой должна была считаться Тонечка, Родион через неделю после воссоединения с семьей стал называть Марину бабушкой, а генерала – дедом, хотя ни один, ни второй вообще не были ему родственниками!.. Детдомовского мальчишку благополучные и сытые московские дети старательно опекали, но... не слишком им интересовались. Они были от души заняты собой, своим образом жизни, друзьями, учебой. Александр Герман к появлению сына, о котором он шестнадцать лет ничего не знал, относился словно с изумлением.

Этот новый сын учился из рук вон плохо, в московской школе почти не тянул, зато постоянно рисовал – его комната как-то моментально превратилась в свалку из альбомов, тюбиков и банок с красками, карандашей, разрозненных листов александрийской бумаги, обрывков, клочков, яблочных огрызков, конфетных бумажек, невымытых кружек и мятой одежды. Вещи мальчишку вообще не интересовали.

Зато интересовала еда. Он безостановочно ел и, кажется, только худел – щеки у него совсем ввалились, еще длиннее стали тонкие, как щепки, руки, вытянулась и без того гусиная шея.

Самым главным его другом была собака Буся, и сразу следом за ней – Тонечка.

¹ Об этом читайте в романах «Серьга Артемиды» и «Пояс Ориона».

– Родька, смотри за самоваром! – крикнула Тонечка в сторону лужайки, по которой наперегонки носились мальчик и собака.

И посмотрела на соседний участок.

Машина стояла на плиточном пятачке перед домом, над крыльцом горела лампочка, свет ее терялся и таял в вечернем солнечном сиянии.

...Интересно, кто же это приехал?..

Дом в Дождеве принадлежал давно покойным родителям ее мужа, Тонечка раньше никогда здесь не жила и соседей не знала. Величественную старуху, обитавшую через дом, они с Родионом называли старой княгиней, так ее окрестила Тонечка, а когда мальчишка спросил почему, приволокла ему первый том «Войны и мира». Родион моментально заскучал, стал оглядываться по сторонам и предложил помыть посуду. Тонечка два вечера убила на пересказ эпопеи своими словами, и только потом догадалась включить ему английский сериал.

В английском сериале всех главных героев играли молодые артисты, и Родион постепенно втянулся, но смотрел «Войну и мир» как неандерталец или англичанин – никакие нравственные проблемы его не волновали, зато интересовало, кого убьют, кто на ком женится и не разорится ли Пьер.

Состояние финансов Пьера казалось Родиону гораздо важнее, чем его масонские искания!..

После того как убили Петю Ростова, Родион наотрез отказался смотреть дальше, и Тонечке пришлось брать его измором, убеждая, что после все пойдет как нельзя лучше, и обещать в обмен на просмотр пирог с мясом.

Насилу одолели.

Оказывается, старую княгиню зовут Лидия Ивановна – вполне подходящее имя.

Тонечка зашла в дом, поставила на круглый стол чашки и «вкусное», о котором мечтал Родион, и позвонила мужу.

– Я занят, – сообщил телефон мужниным голосом, едва прекратились гудки. – Я на работе.

– Бог в помощь, – отозвалась Тонечка.

Родион втащил плюющийся кипятком самовар, водрузил его на подставку и спросил, как там папа.

Тонечка проинформировала, что папа на работе. Занят.

– А мы когда в Москву поедим?

– Когда карантин снимут.

– А когда карантин снимут?

– Как только болеть перестанут.

– А когда перестанут?

– Садись, – сказала Тонечка. – Тебе чай с мятой или так?

Они долго пили чай и смотрели дурацкое кино под названием «Бруклин». Родион его обожал, а Тонечка терпеть не могла, но считала нужным подлаживаться, чтоб мальчишка не чувствовал себя в одиночестве.

Разошлись поздно, и Тонечка долго еще не спала, все думала, как жить, когда кругом карантин, муж бесконечно занят и сердит, родители в группе риска, а дети брошены на произвол судьбы. И все из-за какого-то проклятого вируса!

Кто бы мог подумать еще три месяца назад! Кто мог предположить, что закроются магазины, кафе, химчистки, парикмахерские, а кое-где и дороги, что «скорые» будут часами стоять в очередях, чтобы сдать заболевших в приемный покой, а патрули на улицах станут спрашивать пропуска и выписывать штрафы вышедшим без разрешения!..

– Вирус, – вслух сказала Тонечка, устав думать, – ты подложил нам колоссальную свинью!..

Заснула она под утро, и снилось ей нехорошее.

Алгебру-онлайн они, ясное дело, проспали, а математичка была не только бестолковой, но и вредной. Она уже не раз грозилась, что не аттестует Родиона, если тот не «подтянет предмет», а тут еще и проспали!..

Тонечка растолкала мальчишку только к третьему уроку, усадила перед ноутбуком, велела не качаться на стуле, не чесаться, не рисовать, а слушать, налила ему кружку горячего чая и едва успела выскочить из кадра, когда урок начался. Третьим уроком была информатика, ее вел импозантный молодой учитель, а Тонечка с утра даже причесаться не успела!..

Дав себе слово каждый день ставить будильник на семь тридцать, как в Москве, – и без всяких поблажек! – она стала соображать, что бы такого приготовить на завтрак. Или уже ничего не готовить, а дожидаться обеда, когда у Родиона кончится вся эта онлайн-канитель?..

В обучение на удаленке Тонечка не верила ни секунды. Еще с того момента, когда все только началось. Должно быть, где-то есть дети, рвущиеся к знаниям, как Михайло Васильевич Ломоносов, готовые ради учения на все, твердо осознающие, что ученье – свет, а неученье – тьма, но ее собственный ребенок к таковым не имел никакого отношения. Он и в школе-то учился едва-едва, а уж дома совсем перестал, и не было никакой возможности заставить его слушать, записывать, вникать!.. Он сидел перед компьютером, из которого учителя толковали о квадратных корнях и бензольном кольце, и рисовал свои картинки, а собака устраивалась у него на коленях. Его жизнь была прекрасна! Если б от него еще отстали с этим дурацким сидением возле компьютера во время уроков, вообще был бы рай!

Тонечка вздохнула.

Повезло, что в этом году не нужно сдавать никаких экзаменов. Вот был бы цирк, если б им пришлось в городе Дождев готовиться к ЕГЭ!..

Она сварила кофе, взяла чашку и вышла на террасу. Старый дом одним крыльцом выходил в палисадник и на дорогу, а другим в сад и на лужайку. На террасе стояли ветхий овальный стол и пара плетеных кресел с продавленными подушками. Когда-то подушки были, должно быть, роскошными, крытыми желтым атласом с золотым отливом. Теперь ткань повытерлась, из нее в разные стороны торчали нитки, Родион сказал – очень красиво.

И Тонечка с ним согласилась.

На улице было солнечно и холодно, и, поставив чашку, Тонечка вернулась в дом за «позорным волком». Сверху что-то бубнил импозантный учитель информатики, Родиона не было слышно.

Она вернулась на террасу, уселась, отхлебнула кофе и зажмурилась от счастья.

...Вот так бывает?.. Кругом кризис, вирус, светопреставление, а она, Тонечка, в эту секунду чувствует себя настолько счастливой, что готова заплакать восторженными слезами!

«И, сладко плача, я ушел за бузину», – вспомнилось ей откуда-то.

Она вытянула ноги, запахнув плотнее пожилого «позорного волка», и неожиданно обнаружила на своем участке... человека!

Какая-то женщина, кажется молодая, вбежала в распахнутую калитку с соседнего участка и теперь мчалась по дорожке к дому.

Тонечка поднялась.

– Вы можете мне помочь? – выпалила женщина, немного не добежав до террасы. – У нас несчастье.

Тонечка сбежала с крыльца.

– Вы здесь живете? – лихорадочно продолжала незнакомка. – Вы кого-нибудь знаете? Кому можно позвонить?

– Да что случилось-то?!

– Бежим, – сказала женщина и припустилась по траве, сокращая расстояние.

Тонечка топала за ней.

– Я вчера только приехала, – на ходу говорила женщина. – Вечером уже. А сегодня вышла... И тут... Я не знаю, что делать... Я на тот участок сбегала, но там нет никого...

Тонечка вдруг всерьез забеспокоилась.

Сначала ей было просто любопытно, а тут стало тревожно.

Следом за женщиной она вбежала на соседний, в лопухах и одуванчиках, участок. Разросшийся куст сирени с головы до ног обдал ее водой – ночью прошел дождь.

– Сюда, сюда, – торопила женщина.

Они выскочили на лужайку, почти такую же, как у Тонечки. Когда-то здесь, видимо, хозяйничали и наводили красоту, потому что посередине был сооружен некий холмик, напоминавший альпийскую горку, а рядом торчал деревенский колодец с воротом и двускатной крышей.

– Я вышла, – задыхаясь, говорила женщина, – и... вот... Я хотела помочь, а уже поздно... Что нам делать?

И тут Тонечка увидела.

На траве, в желтых одуванчиках, привалившись спиной к колодцу, сидела старая княгиня. Ноги в высоких башмаках на пуговицах были вытянуты, тяжелые руки лежали вдоль тела совершенно спокойно. Старая княгиня смотрела прямо перед собой, очень строго.

– Она что? – шепотом спросила Тонечка, хотя все было ясно. – Умерла?

Женщина покивала.

– Я хотела ее поднять, – тоже шепотом сказала она, – нагнулась, а она вся... холодная уже.

Тонечка присела и дотронулась до руки старой княгини. Рука и впрямь была холодная и влажная – в росе.

– И что теперь делать? – продолжала женщина. – Куда-то же надо звонить! Только куда? И кто это? Откуда она взялась? Я вчера приехала, ее не было!

– Это Лидия Ивановна, соседка с той стороны. – Тонечка поднялась. Губы у нее дрожали, так было жалко старуху! – Она каждый день через нас ходит на ручей, на лавочке сидит...

– Она одна живет?

– Я не знаю, – Тонечка глубоко вздохнула, прогоняя ненужные слезы. – Наверное, мы должны к ней домой сходить для начала...

– А... она? – Женщина кивнула на старую княгиню. – Тут останется? Нехорошо как-то.

– Нехорошо, – согласилась Тонечка. – Я сбегая, а ты постой рядом с ней, ладно? Как тебя зовут?

– Александра, – спохватилась собеседница. – Саша Шумакова.

– А я Антонина Герман. Я сейчас, быстро!

Участок старой княгини весь зарос жасмином, сиренью и лопухами. Давно не кошенная трава полегла от дождя, на дорожках стояли лужи.

Тонечка взбежала на крыльцо и позвала:

– Есть кто-нибудь?

Никто не отозвался.

Дверь была открыта, и Тонечка вошла.

В доме пахло старым деревом, мирно тикали часы и капала из крана вода.

– Здравствуйте! – прокричала Тонечка. – Здесь есть кто-нибудь?

Было понятно, что в доме никого нет, но от растерянности она еще покричала и постояла, прислушиваясь.

Часы засипели, внутри щелкнуло, и они начали бить. Взблескивал медный маятник.

Тонечка прикрыла за собой дверь и вернулась к соседке.

– Нет там никого, – сообщила она, стараясь не смотреть на старуху. – Я что-то тоже не могу сообразить, что нам делать. Главное, она вчера была жива и здорова, я ее видела, она на меня в окно смотрела! А Родион с ней разговаривал! Родион – это наш сын.

Саша Шумакова покивала.

...В разного рода передрыгах у Тонечки всегда был один и тот же план действий. Она звонила мужу, тот говорил, что следует сделать, и дальше все как-то решалось.

Словно само собой.

– Подожди, – сказала Тонечка соседке. – Я позвоню.

– Почему ты вчера вечером не отвечала? – осведомился муж, как только в трубке перестало гудеть. – Я раз пять звонил!

– Ты же знаешь, какая здесь связь.

– Так, – услышав ее, сказал муж совершенно другим тоном. – Что случилось, Тоня?

– Старуха, – выговорила Тонечка. – Лидия Ивановна, соседка, старая княгиня! Я тебе про нее рассказывала. Она умерла. Сидит возле колодца... совершенно мертвая.

– Так, – повторил муж. – Ты только не плачь, Тонечка.

– Я не могу. – Она всхлипнула. – Мне ее жалко. И мы не знаем, что теперь делать!

– Кто мы? Вы с Родионом?

– Нет, Родион в доме, он ничего не видел. Мы с Сашей Шумаковой.

Великий продюсер всех времен и народов Александр Герман не стал уточнять, кто такая Саша Шумакова и откуда она взялась. Ему нужно было срочно избавить жену от переживаний – он терпеть не мог, когда она страдала, чувствовал себя виноватым и от этого злился на нее же.

– Я сейчас найду вашего участкового, – сказал он. – Вы ничего не трогайте, оставьте все как есть. Он придет и займется.

– Саш, – проскулила Тонечка. – Главное, она вчера на ручей ходила и разговаривала с Родионом, понимаешь?... А сегодня умерла... возле колодца.

– Так бывает, Тоня. – И мимо трубки, совершенно другим голосом: – Найдите мне Славу Селиверстова, это мэр Дождева. Дождев – город в Тверской области.

И снова ласково, как ребенку, Тонечке:

– Ступай домой, оставь возле... бабуси эту Сашу Шумакову. И не страдай, слышишь, Тоня? А я в выходные постараюсь приехать. Как Родион?

Тонечка понимала, что это маневр и рассказывать про Родиона ей сейчас не нужно, поэтому пробормотала:

– Спасибо тебе, Саша. Как я соскучилась, знал бы ты.

– Я тоже соскучился, – признался он. – Живу, как дикий человек, без семьи, без детей!.. Ну все, у меня тут мэр нашелся. Я перезвоню.

Тонечка только успела отвести руку от уха, как муж уже перезвонил:

– И не ввязывайся ни во что! – велел он. – Особенно в уличные потасовки и детективные расследования! Лучше сценарий пиши!

Тонечка писала сценарии для сериалов и с точки зрения великого продюсера делала это очень медленно. Его бы воля, он бы ее заставил каждую неделю выдавать по сценарию!

– Ты поняла, Тонечка?

– Я все поняла, Сашечка.

...Разумеется, домой она не пойдет, останется с Сашей Шумаковой и мертвой старой княгиней ждать участкового!

– Ну что? – с тревогой спросила Саша. – Что нам делать?

Тонечка вздохнула:

– Велено ждать.

– Я так испугалась, – призналась Саша. – Я вообще-то не пугливая, а тут прямо... испугалась.

– Я понимаю.

– Главное, только приехала!.. Пока весь офис на карантин выпроводила, пока то, пока се... Люди боятся, у всех истерика, что дальше – никто не знает! Вот уехала, и тут!..

Тонечка опять вздохнула.

Они топтались в лопухах и одуванчиках, говорили приглушенно, на мертвую старуху не смотрели, и обе чувствовали неловкость от того, что в присутствии смерти говорят о пустяках.

Внезапно в высокой траве показались собачьи уши, и крохотная собака радостно помчалась к ним.

– Буся, стой! – перепугалась Тонечка. – Буська, кому я сказала! Родион, не ходи сюда! Забери собаку!

– Зачем? – И мальчишка вынырнул из-за кустов сирени. – А почему ты ушла?

– У тебя же уроки!

– Интернет повис! – И Родион изобразил руками победный жест. – Все выключилось! И света нету! Ура!..

Тонечка ринулась ему навстречу.

– Вернись домой, – приказала она. – Я сейчас приду.

– Да чего такое-то, Тонь?..

Вдруг маленькая собака заскулила, а потом зарычала, тихо, но грозно. Тонечка ни разу не слышала, чтоб пражский крысарик скулил, да и таял он редко!

– Буська, ты чего? – поразился Родион. – Ты на кого?..

– Родион, иди домой сейчас же!

Но куда там!.. Мальчишка помчался за собакой, подхватил ее на руки, прижал к себе и вдруг замер.

– Родион!..

– Она умерла, что ли?

– Да. Уходи отсюда.

– Да нет, не может быть. Я ей обещал рисунки показать.

Он подошел и наклонился над старой княгиней. Собака опять тихонько заскулила.

Тонечка взяла его за руку и повернула спиной. Он вырвался и присел перед старухой на корточки.

– Так не бывает, – сказал он совершенно спокойно, разглядывая лицо старой княгини.

– Меня зовут Саша Шумакова, – сказала соседка и взяла его за плечо. – А тебя?

– Родион Герман, – сообщил мальчишка.

На Сашу он даже не взглянул, продолжал рассматривать старуху.

– Почему она умерла? – строго спросил он у Тонечки.

– Мы не знаем. Может быть, с сердцем плохо стало.

– Или просто от старости, – предположила Саша.

– А вдруг она еще жива?

– Нет, Родион.

Тонечка не знала, как его отвлечь. И не знала, понимает ли он, что такое смерть.

– Ты вот что, – наконец придумала она. – Ты сбегай, пожалуйста, в поликлинику, скажи дежурной, что у нас соседка умерла, пусть они бригаду пришлют. Сможешь?.. Пойдем, я тебя провожу.

– Только я не знаю, где поликлиника.

– На той же улице, где наш магазин, чуть подальше. Такой зеленый длинный барак. Написано: «Поликлиника». Если они такими вопросами не занимаются, попроси дежурную позвонить в больницу или в «Скорую». Ты понял?

– Понял, понял.

– Наденешь перчатки и маску, – продолжала Тонечка. – И не снимай! И ничего там не трогай! И глаза не три!

– Тонь, а разве так бывает? Вчера человек был жив, а сегодня уже умер?

– Только так и бывает.

– Странно, – сказал Родион задумчиво. – Очень странно. И непонятно.

– Никто не понимает, – отозвалась Тонечка. – Вот ты Толстого не стал читать, а у него там про это много! Он тоже не понимал, как это. Саша, я сейчас вернусь.

Она заставила Родиона натянуть маску и перчатки – и он послушно надел все, как видно, думал о другом, – нацепила на собаку ошейник, всучила мальчишке поводок и проводила до калитки.

– Бегите.

...День получился странным и трудным.

Вначале пришел коренастый парнишка в форме, отрекомендовался участковым, поцокал языком над старой княгиней и стал спрашивать какую-то ерунду – кто нашел, когда, что сделал, куда пошел. Ерунду он старательно записывал, время от времени вздыхал и качал головой.

Потом прибежал Родион с собакой на руках, а следом за ними запыхавшаяся полная молодая женщина в дождевике, накинутом поверх белого халата. Женщина оказалась врачом из поликлиники, пользовавшая Лидию Ивановну.

Потом приковыляла выдавшая виды «Газель» с красными крестами на боках. Из нее вышли санитары, вытащили жуткие серые носилки – как похоронные дроги. С водительского места выбрался тот самый Коля, который вчера гарцевал вокруг Тонечки на велосипеде. Вместе с санитарями он зашел на участок, посмотрел на старую княгиню, закурил и изрек что-то вроде:

– Вот жизнь...

– Главное, и больна-то не была ничем особенно, – с досадой сказала врачиха. – И болезней себе не выдумывала! Старики любят себе хвори сочинять, а Лидия Ивановна никогда!..

– Почему она умерла? – спросил Родион в который раз.

Врачиха развела руками:

– Мало ли. Может, инсульт. Или тромб оторвался.

– Родственники у нее есть? – спросила Тонечка.

– Да кто ж их знает, – отозвался участковый. – Жила одна, это точно могу сказать, иногда вроде племянник к ней наезжал, а там... не в курсе мы.

– Нужно родственников известить.

– Их еще сначала найти бы неплохо! – залихватски ответил участковый, которому нравились Тонечкины формы и кудри, хоть она и была старовата, лет тридцать пять, не меньше!.. А может, и все сорок, кто их знает, столичных!

Вторая, у которой на дворе старуха преставилась, была еще краше – высокая, джинсы в обтяг, грудь уверенная, сама быстрая, порывистая, э-эх!.. Но таких цац участковый побаивался и как будто не до конца верил в их существование. Таких по выходным показывали на НТВ в программе «Звезды взошли», у них то и дело крали бриллианты и детей, мужики их избивали, зато потом платили миллионные отступные, они были блогершами и актрисами. И еще певицами!.. Участковый считал себя человеком здравомыслящим и на такой дешевый развод не велся – ну, так люди не живут, это все специально выдумано, чтоб народ отвлечь!.. Ну, чтоб народ не очень по пенсиям грустил, за детскими пособиями не ломился, за коммуналку исправно вносил и штрафы платил, а ему за все это по телику кралей показывают – груди, попы, бриллианты и как мужики их метелят!

Когда старую княгиню санитары принялись взволакивать на носилки, Тонечка почти насильно утащила Родиона домой. Саша Шумакова проводила их до крыльца – она тоже не хотела смотреть.

– У меня хлеб свежий есть, – проинформировала она и отвела глаза. – Московский! Масло сливочное и банка икры. Большая. Мне партнеры на Новый год привезли в подарок. А я так и не попробовала.

– Вот и прекрасно, – бодро откликнулась Тонечка. – Родион нам самовар поставит, как вчера. Сейчас все уедут, и станем... пировать.

На улице зафырчала «Газель», они прислушались.

– Должно быть, все, – заметила Тонечка. – Забрали.

Вскоре появился участковый.

– Просьбица у меня к вам, – сказал он, конфузясь. – Там Вячеслав Андреевич, мэр наш, сильно за покойницу переживает. Может, вы по-соседски у ней в доме посмотрите, вдруг какие бумажки остались, записки? Ну, чтоб мы родственников известили! Телефон у ней был, не знаете?

– Я не видела, – отозвалась Тонечка.

– Может, и телефон найдется. Я бы сам занялся, но мы все на усиление брошены. Дорогу в лесу сторожим.

– Зачем? – машинально спросила Тонечка.

Участковый вздохнул:

– Да ни за чем. По дури. Чтоб, стало быть, москвичи без пропусков через лес в Конаково не ехали. Через лес запрещено.

– Почему?

– Да говорю ж, по дури. Вы уж помогите по-соседски, лады? Посмотрите! Дверь потом замкните, а ключик у себя оставьте. Если чего найдете, звякните, вот номер мой!

– Хорошо, – согласилась Тонечка.

Отправляться в дом старой княгини ужасно не хотелось, но они с Сашей пошли.

Родион увязался за ними.

– В больнице у них интересно, – рассказывал он, пока они переходили с одного участка на другой. – Все старое, жуть! Полы провалились, потолки черные, пакля торчит. И такие скамейки деревянные в коридоре. Я там попа видел. Он на скамейке как раз сидел.

– Не попа, а батюшку, – поправила Тонечка.

Родион не обратил внимания.

– Тонь, если поп служит Богу, он что, не может его попросить, чтоб не болеть? И жить вечно?

Саша Шумакова оглянулась и посмотрела сначала на Родиона, а потом на Тонечку.

– Ну, поп ведь обычный человек. То есть батюшка, – поправила Тонечка. – И не все его просьбы Бог исполняет. И не всегда.

– А зачем тогда работать попом? То есть батюшкой?

Тут теологический диспут закрылся сам собой – слава богу! – потому что они пришли в дом старой княгини.

– Как тут искать-то? – спросила Саша вполголоса и скинула у порога мокасины. – Мы ж не сыщики!..

– Посмотрим, может, правда найдем какие-нибудь записные книжки.

– Лучше б участковый сам искал.

– Ты же слышала. Он лес сторожит. От москвичей.

В доме было тихо, чисто и хорошо пахло – должно быть, княгиня любила свое жилище и ухаживала за ним. С заднего крылечка был вход на террасу, как и в Тонечкином доме. С террасы наполовину застекленная дверь вела в большую, на четыре окна, комнату.

– Есть кто? – на всякий случай крикнула Тонечка. – Соседи пришли!

Конечно, никто не отозвался. Только тикали по-прежнему часы и где-то мерно капала вода.

В комнате было полутемно – когда утром Тонечка сюда забегала, не обратила внимания, что на всех окнах задернуты занавески.

– Где мы будем искать? – спросила Саша.

– Я предлагаю по верхам посмотреть, и все, – решительно сказала Тонечка. – На столе, в прихожей, на этажерке. Подожди, я шторы раздвину.

Мебель в комнате была старинная – жесткие стулья, круглый стол на одной ноге, этажерка с полированными шишечками. На пузатом комодике кружевная вязанная крючком салфеточка. На салфетке черно-белая фотография пузатого мальчугана в трусах и панаме.

– Как ты думаешь, это родственник? – спросила Тонечку Саша. – Наверное, нужно из рамки вынуть и посмотреть, вдруг там что-нибудь написано, да?

Тонечка покивала.

Родион стоял в дверях с собакой на руках. Вид у обоих был настороженный.

Кругом был образцовый порядок, только на диване все подушки раскиданы, одна даже свалилась на пол. И скатерть на круглом столе сдвинута – один край свисал почти до пола. Тонечка вернула подушку на диван и поправила скатерть. На столе не было никакой посуды, кроме единственного блюда, чисто вымытого.

В тесной кухоньке – Тонечка вошла и огляделась – тоже все в полном порядке.

– Она жила совершенно одна, – возвестила Тонечка из кухни, и голос ее странно отдался от стен, словно они понимали, что пришли чужие.

– Почему? – спросила возникшая в дверях Саша.

– Чашка одна, тарелка тоже одна. Ложка, вилка, нож – всего по одному.

– Как грустно, – сказала Саша. – Когда тарелка одна, и чашка тоже. И никому дела нет, жив ты или помер...

На кухонном столе стояла круглая коробочка из-под печенья, в нее были аккуратно сложены лекарства. На подоконнике две книжки.

Тонечка посмотрела.

«Дмитрий Донской» из серии ЖЗЛ и толстый том Василия Розанова.

«Донской» был заложен высушенной веткой мимозы – вот как!..

– На фотографии ничего не написано, – сказала Саша, – ни года, ни места, ни имени. И телефона я не вижу.

– Может, у нее и не было.

– Вряд ли, Тоня. Ей все же не сто лет было!.. И жила одна, мало ли, может, врачу позвонить.

Тонечка пооткрывала дверцы шкафчиков и заглянула в почти пустой холодильник, как будто там могли найтись следы родственников старой княгини.

Родион с собакой на руках стоял в большой комнате перед женским портретом, висящим над диваном.

– Что там? – спросила Тонечка.

– Какая-то старая картина, – отозвался Родион.

Тонечка взглянула – дама в глухом платье с камеей у шеи, волосы подняты вверх короной, тонкие руки сложены на какой-то книге.

...Неужели была такая жизнь? В которой женщины носили глухие платья и камеи, делали высокие прически и читали книги?..

И если была, куда она делась? Когда ее не стало?..

В революцию семнадцатого года? В войну? В шестидесятые?

На этажерке с шишечками были стопки старых журналов – «Юность» и «Работница», тяжелая, словно из чугуна, фигурка кенгуру, очень искусно сделанная, громадная «Книга о вкусной и здоровой пище» 1953 года издания.

Тонечка открыла наугад и прочла: «Коньяки (окончание). Коньяк пьют перед едой для возбуждения аппетита. Хорошая закуска к нему – кусочек балыка с лимоном или ломтик лимона с сахаром. Пьют коньяк из маленьких рюмок. Хорошо, если эти рюмки из тонкого стекла; через такое стекло виден золотисто-янтарный цвет коньяка. После обеда или ужина коньяк подается к черному кофе, к фруктам. Коньяк служит для лечебных целей, как тони-

зирующее средство. О целесообразной дозировке коньяка для больных и выздоравливающих следует посоветоваться с врачом».

И такая жизнь ведь тоже была! В которой коньяк пили для «возбуждения аппетита» и советовались с врачом о его тонизирующих свойствах!..

И от этой жизни тоже ничего не осталось – аппетит теперь принято заглушать, а не возбуждать, а с врачом вообще ни о чем нельзя посоветоваться – все медики брошены на борьбу с неизвестным вирусом, напавшим на человечество...

Ни записных книжек, ни бумажек, ни старых конвертов среди журналов не обнаружилось.

На самой верхней полке этажерки валялась раскрытыми страницами вниз какая-то уж совсем доисторическая книга – потертый кожаный переплет запирался медными замочками.

Тонечка посмотрела и ничего не поняла – написана книга была полууставом, как будто крошечные черные семечки сыпались из-под пера писца!..

Тонечка любила такие штуки. Ее собственный словарь «Живого великорусского языка» Даля был точной репринтной копией словаря, вышедшего при жизни самого Владимира Ивановича, автора!

– Родион, – сказала она, рассматривая сувенирную обложку с пряжками, – как ты думаешь, можно взять у Лидии Ивановны книгу? Я бы хоть название попробовала прочитать! Или неудобно?

– Нормально, – тут же отозвался мальчишка. – Она мне говорила, приходи ко мне, я тебе книжки интересные покажу. Старые люди почему-то любят книжки.

– Это точно, – пробормотала Тонечка.

– Я тоже люблю, – продолжал Родион. – Но только чтоб с приключениями. Чтоб море или другие галактики!

– Лучше бы ты «Войну и мир» прочел.

– Она здоровая больно.

– Как уютно она жила, – заметила Саша. – Все есть, все на местах. Вон цветы сухие в вазе!.. А на террасе кастрюля бульона. И кресло у окошка, сиди отдыхай, смотри на березы.

– Она на березы у ручья смотрела, – возразил Родион. – Они там лучше. И листья раньше распустились!

– Да я не об этом, – пробормотала Саша Шумакова.

В прихожей Тонечка обнаружила засунутый за раму овального зеркала клочок бумаги. Синей шариковой ручкой на нем было накорябано: «Валюша, среда, зайти».

Тонечка вытащила бумажку и рассмотрела – больше на ней не было ни слова.

– Какой сегодня день? – спросила она у Саши.

– Понедельник, – быстро сказала она. – Вчера я приехала, было воскресенье.

– Мы на этом карантине счет времени совсем потеряли. – Тонечка показала ей бумажку. – Больше ничего нет. Только какая-то Валюша.

– Пойдемте отсюда, – предложила Саша. – Ничего мы не найдем. Слушай, Тонь.

– М-м-м?

– Нужно бульон забрать. Пропадет. Бабка его сварила, вон на улицу выставила! Что же его теперь, вылить?

И они посмотрели друг на друга.

Уходили они с кастрюлей, книжкой и запиской. Родион держал на руках свою собаку и был задумчив. Саша растерянна, Тонечка грустна.

Мужу, когда тот позвонил, она не призналась, что ходила в дом старухи искать следы ее родственников. Она отлично понимала, что участковому влетит – он все перепутал, решил, что городское начальство печется о покойной старухе, а не о заезжей москвичке!..

– Ты бы позвонил Родиону, – попросила Тонечка. – Он беспокоится за тебя. Вдруг ты не справишься с мировой катастрофой, и вселенная погибнет.

– Это он так сказал?

– Я так сказала. Но он так думает.

– Позвоню, – пообещал Герман. – Я сегодня к нашим поеду, отвезу еду и книги. Твоя мать просила привезти книг, целый список составила.

– Ты только смотри не перезаражай их!..

– Я дальше террасы не пойду, – успокоил муж. – Пакеты оставлю, и мы посидим... на социально безопасном расстоянии!..

– Ужас, – сказала Тонечка.

– Ужас, – согласился Герман. – Жди меня, и я вернусь, Тоня! Скорее всего, в субботу. На самом деле хорошо, что вы уехали. В Тверской области все же безопасней.

– Хорошо, что в этом году у Родиона экзаменов нету. Десятый класс!

– И это тоже хорошо.

Они попрощались, и вскоре явилась Саша Шумакова с объемным пакетом из коричневой крафтовой бумаги.

Кроме обещанных московского хлеба, масла и банки икры, в пакете оказались коробка зефира, банка первосортного чая, паштет и бутылка красного вина.

– Прямо раблезианство какое-то, – сказала Тонечка, оглядывая гостинцы. – Мы сейчас все твои деликатесы поедим, а ты с чем останешься? Опять в Москву поедешь? Пополнять запасы продовольствия?

Саша махнула рукой.

– Я одна, – сказала она беспечно. – Мне никаких особенных запасов не надо. А у тебя ребенок.

– Да ребенка этого паштетами и зефирами кормить – грех один! Не в коня корм.

– Он худой как щепка.

– Вот именно! А ест, как будто еду в чемодан укладывает.

Саша засмеялась.

– Вы давно здесь обитаете?

– Еще до карантина заехали. Наш папа страшный паникер. Он нас сразу спровадил, как только стали показывать, что в Италии творится. Он сказал, что не сегодня завтра в Москве будет так же, и привез нас сюда. А потом уже карантин объявили. И он нам велит здесь сидеть и не высовываться.

– Правильно он велит. Мои друзья-врачи говорят, нужно пересидеть обязательно! Что от болезни все равно никто не застрахован, но лучше переболеть или до пика, или после.

– Да уж... – пробурчала Тонечка. – Кто бы мог подумать...

– На террасу пойдем или здесь?

– Холодно еще, на террасе замерзнем. Зато на воздухе.

– Так здесь или на террасу пойдем?!

– Пойдем, – решила Тонечка.

На столе стояла ее утренняя чашка с давно остывшим кофе. Тонечке показалось, что сегодняшнее утро было давным-давно, как в прошлой жизни.

...Про Москву и работу она тоже часто думала: все это осталось так далеко, что даже непонятно, было ли на самом деле, или ей просто показывали кино, в котором она играла главную роль.

Кино закончилось, и главная героиня оказалась в Дождеве Тверской области, в старом домике на берегу ручья с мальчишкой и крохотной смешной собакой. Из магазинов только «Рублевочка», из развлечений только телевизор. Из одежды только джинсы, толстовки с капюшонами и вытянутыми рукавами и «позорный волк». Когда начинался дождь, приходилось

подтаскивать к углу террасы длинную ржавую трубу, чтобы не заливало фундамент. Когда холодало, нужно было растапливать голландскую печь, таскать из сарая дрова, колоть щепки, складывать в печкином зеве «шалашиком», дуть, зажмуривая глаза от золы, чтоб разгорелось.

Да еще старая княгиня взяла и умерла сегодня утром прямо посередине соседского участка!..

– Ты ее хорошо знала? – спросила Саша Шумакова, словно подслушав Тонечкины мысли.

– Совсем не знала, – призналась Тонечка. – Она через нас на ручей ходила. Во-он, видишь, в ту калитку? На скамейке там подолгу сидела. Родион ее рисовал, а я и не знала!

– Он хорошо рисует?

– Мне кажется – прекрасно, – объявила Тонечка. – Вот тебя нарисует, посмотришь.

– Может, он и не собирается меня рисовать, откуда ты знаешь!

– Он рисует все, что ему нравится. – Тонечка улыбнулась соседке. – А ты ему понравилась, совершенно точно.

Саша вдруг смутилась, как будто Тонечка отпустила ей бог весть какой комплимент.

– А что у вас за собака? Дивное существо!

– Пражский крысарик, – отозвалась Тонечка из дома. Она составляла на поднос посуду. – Мы зимой взяли, и она от Родиона не отходит!.. Эти собаки с легендой, они спасли средневековую Прагу от чумы, передушили всех чумных крыс! На самом деле, они настоящие собаки, несмотря на то что крохотные. Видела бы ты, как она Родиона охраняет! Когда я его ругаю, она прибегает, садится ему на ногу и твякает на меня! Чтоб я не ругалась!.. Родион! – прокричала она в сторону лестницы. – Спускайся, мы чай собираемся пить! И покажи нам свои рисунки! Можешь?

Мальчишка явился минут через двадцать, не меньше.

– Моя бабушка, – возвестила Тонечка, – если кто опаздывал, к столу не допускала! Опоздавший всегда обедал в одиночестве на кухне.

– Это предрассудки, – заявила Саша.

– Вот, – сказал Родион и выложил на стол папку, из которой в разные стороны торчали рисунки. – Буська, иди ко мне, замерзнешь!..

Невесомое существо, как на крыльях, подлетело к Родиону, он подхватил его с пола и сунул за пазуху. Собака немедленно высунула морду, встопорщила уши и заулыбалась.

– Можно? – Саша потянула к себе папку.

Родион кивнул.

Тонечка щедро намазала на кусок белого хлеба масло и выложила паштет. Мальчик немедленно запихал хлеб в рот, кажется, целиком.

– Слу-ушай, – протянула Саша с изумлением. – У тебя талант!

Родион довольно хрюкнул. Ни в какие свои таланты он не верил, рисовать – это так легко, нет ничего проще! – но любил, когда его хвалили.

– А вот это где? Воздушные шары над обрывом? Или ты придумал?

– В Нижнем Новгороде, – ответила за Родиона Тонечка. Ей тоже очень нравилось, когда Родиона хвалили. – Мы зимой там были. И собака наша оттуда.

– С ума сойти, – искренне сказала Саша. – Правда.

– А это уже здесь, – прокомментировал Родион, поедая второй бутерброд. – На ручье. Мостки почти сломались, но зато красиво.

– Очень!

– А это старая княгиня. Ее на самом деле Лидия Ивановна зовут, она мне сказала. Тоня, а ты точно уверена, что она умерла?

Тонечка молча кивнула. Подошла, стала у Саши за спиной и тоже стала смотреть.

Нарисовано было карандашами – Родион больше всего любил карандаши. От того, что цвета были неяркими, а штрихи отчетливыми, рисунок словно жил, дышал.

– Она еще сказала, раз я все время рисую, мне нужно учиться. А я сказал, что после школы в Суриковское буду поступать. А она сказала: правильно, это хорошее место, известное.

Саша отложила рисунок и вытащила другой. А потом третий.

Старуха чем-то была похожа на Анну Ахматову времен «Фонтанного дома» – тяжелое лицо, нос с горбинкой, морщины вдоль щек. И сидела она, положив согнутую в локте руку на спинку скамейки, тоже словно по-ахматовски.

– Только я все равно не понимаю, как это, – сказал Родион. – Она ведь не собиралась... а все равно умерла. Это же такое серьезное дело! И она, выходит, не подготовилась, что ли?..

Тонечка посмотрела на него. И Саша посмотрела на него.

Портреты старой княгини были разложены на столе, словно она присутствовала тоже, и Тонечку это смущало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.